
ИВАН МАРТЫНОВ

МОГИЛЁВСКАЯ ЗЕМЛЯ — КУЛИКОВО ПОЛЕ СВЯТИТЕЛЯ ГЕОРГИЯ КОНИССКОГО

В истории Государства Российского трудно отыскать деятеля, сравнимого с Георгием Конисским по широте и глубине взглядов, по разнообразию видов деятельности, в каждом из которых он являлся новатором, который бы, как никто другой, все свои силы, здоровье отдал служению простому белорусскому народу.

Внешняя канва судьбы Конисского обыкновенна. Он происходил из старого украинского служилого рода дворян. Его предки были видными представителями казачества и духовенства. Родился Конисский 20 ноября (по старому стилю) 1717 года, и при рождении его нарекли Григорием (бодрствующий, бдительный). Он получил хорошее семейное образование и воспитание и в 1728 году, 11 лет от роду, был отдан в одно из лучших европейских учебных заведений того времени — Киево-Могилянскую духовную академию, крупный очаг просвещения и науки. Полный курс обучения был рассчитан на 15 лет.

Науки в академии преподавались в основном по схоластическому методу на латинском языке, причем в философии господствовал Аристотель, в богословии — Фома Аквинат.

За время обучения в академии Конисский проявил себя как достойный ученик достойных учителей: Сильвестра Кулябка, Феофана Прокоповича, Симеона Тодорского.

Отличаясь прекраснейшими способностями и неутомимым трудолюбием, имел превосходнейшие успехи в науках богословских и философских, в красноречии и стихотворчестве, а также в истории и физике, в совершенстве овладел, кроме обязательных латинского и польского, греческим, древнееврейским и немецким языками.

В 1743 году он блестяще, с особой похвалой окончил полный академический курс и сразу вступил в иноческое звание и стал блестящим проповедником Киево-Печерской лавры. В красноречии ему нет равных. В Киев шли паломники издалека, и они разносили славу о Конисском по всем городам и весям.

Основами красноречия должны и в наше время владеть не только священнослужители, но и идеологические работники, общественные и политические деятели. К сожалению, теперь мало людей, свободно владеющих навыками риторики.

Речь, письменная и устная, строится по разным канонам. Письменная речь апеллирует к уму, поэтому она должна быть строго логична. В устной речи хорошо говорит тот, чей слушатель или собеседник чувствует себя ком-

фортно и эмоционально “отождествляет” себя с говорящим и “заряжается” его эмоциями и мыслями. В устной речи главным является не логическая безупречность, а эмоциональное воздействие. Письменную речь воспринимают умом, а устную – сердцем.

Конисский всегда говорил теми словами, которые были понятны данной аудитории, и слушатель никогда не чувствовал себя безграмотным. Его речи художественно выразительны. В них тщательно подобраны образные сравнения, гиперболы, метафоры.

Новаторство Конисского в красноречии проявилось и в том, что он на первое место поставил слушателя, а не выступающего. Обычно в качестве эталонных образцов приводят выступления античных ораторов, но главное достоинство в их выступлении – показать себя, глубину своего ума, ошеломить слушателей. Все эти внешние эффекты отсутствуют в речах Конисского, зато в них очень высок эмоциональный регистр, который положительно “заряжал” слушателей.

В ораторском искусстве Конисскому нет равных, и в 1745 году он назначается преподавателем родной академии по классу красноречия. Продолжая дело своего учителя Феофана Прокоповича, он освободил науку преподавания красноречия от схоластики, от подражания латино-польским образцам в пользу классицизма и русской поэзии. Он много прилагает усилий для внедрения в риторику русского языка по образцам ломоносовского.

В 1747 году, через два года работы в академии, он назначается на должность префекта академии (то есть на должность первого проректора, в руках которого сосредоточивалась вся исполнительная власть академии) и одновременно – на должность профессора кафедры философии.

Конисский как прирожденный организатор, говоря современным языком, на научной основе перестраивает всю работу академии, составляет новые правила и инструкции. Его плодотворность поражает. Создается впечатление, что работает не один человек, а целый коллектив.

Авторитет Конисского огромен, он стал любимцем сотрудников и студентов академии не по протекции или меценатству, а за свою плодотворную деятельность, личное обаяние, способствующее еще большему авторитету академии на международной арене.

Он разрабатывает два по существу новых, новаторских курса по философии, в которых во многом освободил философию от схоластики. Эти курсы оказали большое влияние на историю и становление отечественной философии.

С 1751 года Конисский фактически становится ректором. Высок его авторитет в научном мире. Налажено и материальное положение, но в 1755 году он вступает на путь личной Голгофы, и чтобы понять и оценить жертвенный подвиг Конисского, следует вспомнить общественно-политическую обстановку на территории современной Беларуси в те времена.

* * *

История Белорусской церкви XVI–XVIII веков – это непрерывная цепь борьбы, в большинстве случаев борьбы кровавой, Православия с латинством. “В российской державе никакая благочестивая церковь не претерпела столько презрения, ругательств, насилия и обид, как церковь Белорусская. Ее жертвенники, ее алтари, ее святое – кровавыми орошены слезами”. Так писал в Священный Синод преемник Конисского епископ Анастасий Братановский.

Сейчас даже трудно себе представить и поверить, что в течение двух с половиной веков обездоленные белорусы и украинцы, преследуемые пришельцами, по вере отцами-иезуитами, фанатичной польской шляхтой, своими жизнями, кровью и слезами омывали веру отцов, свою народность. (Современные археологические раскопки еще раз подтвердили, что до XVI века на территории современной Беларуси были только православные храмы. (Иван Белоус. “Древняя Русь Петра Лысенко” // “Нёман”, № 4, 2007, с. 175–181.) Самых православных варили в котлах, жгли на медленном огне, сажали на спицы, травили собаками. Но никакие репрессии не смогли сломить белорусов, их преданность православию. Тогда отцы-иезуиты пошли на хитрость.

Со времени объединения в 1569 году Литвы и Польши в одно государство – Речь Посполитую – усилилось насаждение латинизма, и чтобы как можно больше белорусского народа приняло его, иезуитами была выдвинута идея церковной унии, то есть объединения православных и католиков с признаками главенства папы Римского. Чтобы ввести в заблуждение простой неграмотный народ, на первых порах униатские обряды внешне были схожи с православными, хотя очень быстро латинизировались. Униатам передавались храмы, отнятые силой у православных. Перешедшим в униатство предоставлялись всевозможные привилегии. Православные на госслужбу не принимались, они оказались изгоями на своей земле. В 1596 году в Бресте была подписана с Римом уния, которую приняли большинство православных иерархов Западной Руси. Униатство приняла так называемая белорусская элита, изменив своему народу, оставив простых людей без духовной поддержки. Одними из первых отказались от Православия Радзивиллы, которых многие минские СМИ представляют теперь радетелями белорусского народа. Радзивиллы не просто отказались от веры, а стали активными “борцами” против Православия. С этого же момента стала униатской и Полоцкая епархия, к которой относились могилевские церкви и монастыри.

Но в эти скорбные для православной Беларуси времена наиболее стойкими оказались жители Могилева и его окрестностей. Как только полоцкий архиепископ на Брестском соборе принял униатство, могилевчане немедленно отмежевались от кафедрального Полоцка, отвергли все попытки униатского епископа сломить сопротивление. Даже лишение могилевчан с 1619–20 по 1633 годы храмов и богослужения не поколебало их волю. Они находили в себе достаточно сил и энергии, чтобы с честью держать знамя Православия.

Благодаря усилиям православных и обострившейся общественно-политической обстановке в Польше в 1632 году была образована отдельно от Полоцкой униатской Белорусская православная епархия с кафедрой в могилевском Спасо-Преображенском монастыре.

Воссоединение части земель Украины и России в 1654 году, национально-освободительное движение белорусов во время войны Богдана Хмельницкого и русского царя Алексея Михайловича с Польшей вызвали новый взрыв гонений на православных, причем во главе этих гонений отныне становится уже польское правительство. Канонически православные были связаны с московским Патриархатом, который назначал по согласованию с Польшей белорусских епископов.

Особенно угрожающим для православных явилось постановление польского Сейма в 1676 году, по которому им под страхом смертной казни и конфискации имущества запрещалось выезжать за границу и приезжать в Польшу иноземным православным. Православные фактически оказались вне всякой государственной защиты, и по существу, лишились единственной духовной опоры в лице Москвы.

И хотя Польша трактатом о вечном мире с Россией от 1684 года обязалась на своей территории иметь пять православных епархий, к началу XVIII столетия осталась одна-единственная – Могилевская, на которую с надеждой смотрел весь простой православный белорусский народ. А для “успешного” обращения белорусов в униатство Польша считала одной из главных своих задач и ее ликвидацию.

Особенно усилились гонения на православных в начале XVIII века, когда Петр I ликвидировал Патриаршество и ввел государственное управление церковными делами в лице назначаемого Священного Синода. С этого момента международные церковные вопросы решала коллегия иностранных дел, которая зачастую вела православных и приносила в жертву государственным отношениям. А в ответ на все жалобы православных польское правительство ссылалась на “известную вольность в своем королевстве, где каждый дворянин в своих деревнях почти самодержавную власть имеет”, и что правительство ничего более сделать не в состоянии. Российские же чиновники предлагали православным все дела с поляками уладить мирным путем.

Такая политика еще больше поощрила польских фанатиков к насилию над православными. Да и король Польши еще в 1692 году потребовал от мещан Могилева перейти в унию, угрожая, что в противном случае “будут в унию поневоле”.

Неоднократно Могилевская кафедра была вдовствующей. Король Польши под разными предлогами не соглашался с предоставляемыми на должность

епископа кандидатурами. То претендент незнатного рода, то недостаточно образован, то плохо ориентируется в польской жизни, то не тем боком стоял, когда ветер дул в сторону Польши, и т. д.

13 октября 1754 года скончался преосвященный епископ могилевский Иероним Волчанский. Польские магнаты надеялись применить испытанный прием – сделать могилевскую кафедру вдовствующей и насилием сломить решимость могилевчан.

И в это трудное для православных могилевчан, да и всех белорусов, время Конисский, достигнув высокого положения в обществе, почета, громкой славы, прекрасно осведомленный о положении в Могилеве и его окрестностях, принимает (в 1755 году) предложение – возглавить Могилевскую епархию. Польский король, как ни противились магнаты и некоторые внешние силы, был вынужден согласиться с предложенной кандидатурой. Репутация Георгия Конисского в Европе была безупречной.

Человек несгибаемой воли и неукротимой энергии, высокообразованный, прекрасно знавший польскую и западноевропейскую историю, и, что самое главное, польское право, и судопроизводство, Конисский смело вступил на великий подвиг апостольского трудника и защитника Православия.

Восторженные могилевчане радостно встретили своего пастыря далеко от Могилева и сопровождали его в кафедральный храм. Но и униаты вместе с фанатичной шляхтой не остались равнодушными к назначению – старались оказать психологическое давление на Конисского и его приверженцев во время их продвижения к храму, пытаясь продемонстрировать, кто в городе хозяин.

Угрозы на Конисского не подействовали. Тогда униаты позвали на помощь миссионеров. Откликнулись доминиканцы. Они при помощи вооруженной шляхты и жолнеров разбойнически отняли у православных Лоевскую Свято-Троицкую и Ульскую Свято-Преображенскую церкви, при этом всячески издевались над местными православными, пытавшимися защитить свои храмы. На ноты протеста России правительство Польши даже не соизволило ответить.

Ознакомившись с положением дел в епархии, Конисский в первую очередь стремится решить вопрос подготовки и воспитания духовных кадров. Многие священники не только писать по-русски не умели, но и читать русские рукописи не могли. Он стремится сделать все от него зависящее, чтобы поднять интеллектуальный уровень прежде всего духовенства и превратить его в достаточно грамотных и опытных пастырей, способных повести за собой паству к высоким идеалам христианства. Для достижения намеченной цели добывается открытие в 1759 году семинарии, лучших выпускников которой направляет в Петербургскую духовную академию.

Ощущается недостаток литературы, и он открывает при епархии типографию, приглашает на помощь своих учеников из Киево-Могилевской академии. Перевел и издал Катехизис Феофана Прокоповича на язык, понятный простому народу, очистив его от незнакомых слов. Издание имело такой успех, что пришлось осуществить повторное.

Такая успешная подвижническая работа Конисского еще больше встревожила воинствующую шляхту, да и безнаказанность окрылила врагов. Они напали на Конисского во время службы в храме летом 1759 года и хотели его убить. Он спасся лишь благодаря тому, что приказал тайно вывезти себя в крестьянской телеге.

Конисский не дрогнул и не испугался. Тогда в 1760 году вооруженные иезуиты, обозленные открытием семинарии, напали на архиерейский дом и семинарию. Было ранено несколько семинаристов, а сам Конисский был вынужден спастись в подвалах своего дома.

И вновь пастырь не дрогнул. Тогда его начинают клеветнически преследовать в многочисленных судебных исках, обвиняя в “разбойничестве”. Конисский блестяще защищается, и все дела, как ни стремятся предвзятно относиться судьи, заканчиваются провалами. Но суды отнимают у него такое драгоценное время, здоровье и средства.

Обратился Конисский за помощью и защитой к влиятельному польскому магнату Радзивиллу, но получил оскорбляющий его сан ответ: “Хотя бы сама ваша царица сюда приехала, то я этого не сделаю”.

Поляки ссылались на то, что по их праву сам король последнему шляхтичу не может ничего в противность указать.

Когда в 1762 году царицей России стала Екатерина II, после ее коронации Конисский удостоился аудиенции, во время которой изложил тягостное положение православных. Он намеками предлагал ей освободить исконно русские земли, на которых проживают православные. В идее Конисского Екатерина II увидела, с одной стороны, возможность упрочения трона. Такая акция ей может принести славу защитницы Православия и тем самым укрепить популярность как среди русского народа, так и в западнорусских областях. С другой стороны, Екатерина II прекрасно осознавала, что она незаконным путем пришла к власти, и Европа, которая тогда, как и нынче, рассматривала дела в России с позиции двойных стандартов, могла прийти на помощь Польше, поэтому она решила ограничиться дипломатическим демаршем и дала указания послу России в Варшаве заявить правительству Польши решительный протест и потребовать соблюдения установленных законом прав православных.

Такая позиция России привела в ярость шляхту, которая еще больше стала издеваться не только над православными, но и над протестантами, религиозные вопросы которых находились в ведении Германии. Протестанты обратились за помощью к Конисскому. Как известно, в 1599 году между православными и протестантами Польши был заключен гражданский союз о взаимной поддержке в борьбе за свободу своих вероисповеданий. Таким образом, из защитника интересов своей епархии епископ Георгий становится, в силу сложившихся обстоятельств, ходатаем не только всех православных Польши, но и протестантов.

В сентябре 1765 года королем Польши становится Станислав Понятовский, с назначением которого шляхта согласилась при условии, что он ликвидирует Могилевскую православную епархию. Понятовский уже готов подписать соответствующий указ о ликвидации единственной в Польше православной епархии, как говорится, уже “обмакнул перо в чернила”. Но на его коронации как короля Станислава Августа Конисский произнес такую пламенную речь в защиту прав и свобод не только православных, но и других иноверцев, что Понятовский откладывает свое решение и обещает рассмотреть в установленном порядке и в сейме нарушенные права православных, вернуть им силой отнятые храмы и монастыри.

Эта речь Конисского сразу была переведена на многие языки как образец ораторского искусства. Тронутый речью Конисского, король спросил его: “Много ли таких, как вы, умных людей в России?” — “Я — самый последний”, — отвечал он со скромностью истинно великого человека.

Король Польши своего обещания не выполнил, да и не смог бы выполнить даже при огромном желании.

Что представляла собой Польша во второй половине XVIII столетия? Законы без силы, король без власти, казна без денег, сейм без порядка, войска без дисциплины, простой народ без прав, дворянство без твердых нравственных устоев.

Очень быстро растаяли надежды Конисского на то, что в польских судах можно защитить права православных. Суды дела волокитили, власти бездействовали, а русский посол Репнин был по взглядам западником и не стремился помочь Конисскому. Синод более года задерживал жалованье, оставив Конисского и епархию без содержания.

В данном случае Конисский заявил послу Репнину, что дальше ему ожидать в Варшаве нечего, а так как возвращаться в Могилев бессмысленно и бесполезно, разве лишь чтобы “видеть только последнее разорение моей епархии, намерен ехать в Санкт-Петербург для прошения теплейшего защиты”.

Решительность Конисского встревожила русского посла и польского короля.

Когда мытарства Конисского дошли до Екатерины II, она дала указания своему послу в Польше принять решительные меры по защите прав православных, а если православные обратятся за помощью к России, то она силой защитит их права. “Пусть поляки знают и удостоверятся, — писала Екатерина послу, — что мы не допустим успокоить это дело по их единственным желаниям, а поведем оное лучше до самой крайности”.

Но сейм закрылся, так и не решив дела православных. А решительные, на бумаге, действия Екатерины II только еще больше разозлили шляхту. Да Россия и сама не желала уравнивать в правах православных с униатами, опасаясь

ясь, что это усилит поток перебежчиков из России, спасавшихся от правосудия и произвола чиновников. Такая двойственная политика России, которая даже помогала Польше подавлять силой стихийные выступления православных в защиту своих прав, не была понятна православным.

Возвратившегося в Могилев Конисского в 1768 году снова пытались убить. Он спасся лишь благодаря своевременному предупреждению. Ночью бежал в Смоленск, в ближайшую расположенную на территории России епархию, и оттуда всеми доступными ему средствами защищал права православных не только Беларуси, но и Украины. К нему в Смоленск стекались все сведения о притеснении православных, а он своими посланиями “бомбардировал” Синод и Варшаву, советами помогал отстаивать в судебном порядке свои права отчаявшимся православным.

До 1772 года Конисскому постоянно угрожали, поэтому о возвращении в Могилев не было и речи. В течение вынужденного изгнания он деятельно управлял своей епархией, по-прежнему ревностно окормлял свою духовную паству.

Но неожиданно политические события существенно обострились для России. Турция, подстрекаемая Францией и Австрией, искала любой повод для объявления войны России. И он вскоре представился.

В 1768 году польские магнаты на границе с Турцией составили Барскую конфедерацию, целями которой были крестовый поход на Россию и свержение короля. Поляки за помощь Турции обещали последней отдать южные земли Украины.

В ответ на море крови и слез, на глумление и изуверства латинистов-униатов православный народ Украины поднял восстание, которое приняло широкий размах и ответило не меньшей жестокостью по отношению к угнетателям. Один из гайдамацких отрядов под предводительством Шилы преследовал поляков до турецкой границы. Поляки скрылись на турецкой территории. Гайдамаки перешли границу, разбили поляков и пришедших им на помощь турок.

Этого инцидента Турции оказалось достаточно для объявления войны России. Напрасно Россия пыталась убедить, что гайдамаки – польские подданные и никакого отношения к России не имеют.

В войне Турция потерпела поражение, и Россия не стала противиться давнишним планам прусского короля Фридриха II, который за притеснение протестантов просил дать согласие на раздел Польши. Первый раздел Польши ускорило падение польского государства. И если другие страны захватили часть территории Польши, то Россия только возвратила некоторые свои исконные земли. И главным, определяющим мотивом такого возвращения было притеснение православных, а не имперские замашки России, как сегодня некоторые пытаются трактовать.

С ликованием белорусы и украинцы встретили свое освобождение. Вызванный в Петербург по этому случаю Конисский произнес в придворной церкви взволнованную речь от лица всего белорусского народа.

Но прошло еще много времени, пока загнанные силой в униатство верующие смогли вернуться в Православие. Нельзя забывать, что иезуитам покровительствовали в ближайшем царском окружении. Среди таковых были и всесильный князь Потемкин, и князь Безбородко, и другие. Да и сама Екатерина II покровительствовала отнюдь не православным, и всевозможными препонами затрудняла им переход из униатства. Но и здесь Конисский, тонкий знаток юриспруденции, нашел выход из всевозможных искусственных препятствий, мешающих изъявлению воли православных.

Добившись улучшения положения своей паствы и епархии, Конисский не забыл православных белорусов и украинцев, оставшихся на территории Польши. По-прежнему в его лице они видели своего защитника, к нему они обращались за помощью и советом, сообщали о всех случаях беззакония и притеснения православных. Усилиями Конисского в Польше была образована самостоятельная православная епархия с кафедрой в Слуцке, которую возглавил его ученик и помощник Виктор Садковский. Как истинный учитель он дает подробные указания и рекомендации, как относиться ему к польскому правительству, к униатскому митрополиту, польским панам, чтобы избежать неприятных случайностей.

Подвиг могилевчан по защите Православия, которое являлось государственнообразующей религией, был оценен, и в 1778 году в Могилев было перенесено из Полоцка центральное управление Белоруссией.

Оценивая свою пастырскую деятельность до возвращения белорусских земель в лоно Российской империи, Конисский писал: “Семнадцать лет я боролся с волками”.

Но как ни дипломатично вел себя Садковский, поляки сумели сфабриковать против него судебное преследование, бросили в острог, разграбили архиерейский дом. Прокатилась волна невиданных гонений на православных. Многие из православных вынуждены были спасаться бегством в русские области и просить защиты у русских властей.

Беспорядки в Польше дали повод России вместе с другими государствами приступить к новым разделам ее между собой. Так что и в этом разделе Польши определяющим моментом явились религиозные вопросы.

Была расширена Могилевская епархия, образована Минская, но Конисский уже не мог воспользоваться плодами своих многолетних трудов. Архиепископ Георгий, скованный тяжелым недугом, заканчивал свой тернистый земной путь. Сознывая, что его состояние безнадежно и что ему уже не встать со смертного одра, Конисский составляет завещание о своем имуществе. Первым пунктом завещания была воля святителя – раздать большую часть денежных средств после его смерти убогим, нищим, вдовам и сиротам. В своем завещании он не забыл никого из тех, кто помогал ему в его трудах, – всем завещал выдать денежное вознаграждение.

Похоронен архиепископ Георгий был в Спасском монастыре, который им был достроен и освящен.

Главная заслуга Конисского в том, что его усилиями Западная Русь, и в частности Беларусь, сохранила свою веру, свою народность среди бурного наплыва латино-полонизма, что позволило затем освободиться от польского гнета.

Благодарные современники высоко оценили вклад Георгия Конисского в отечественную церковную и гражданскую историю. А. С. Пушкин называл его “великим архиепископом Белоруссии”, “одним из самых достопамятных мужей минувшего столетия”. Он высоко оценивал его исторические и литературные труды. По его замечанию, как историк Георгий Конисский не оценен по достоинству.

Почему в светской литературе и истории стремятся если не вычеркнуть, то принизить значение деятельности Георгия Конисского? И кого же нам представляют в качестве национального героя?

В первую очередь, Франциска Скорину, который всю свою жизнь стремился заслужить признание Запада, где и провел большую часть своей жизни. Стремился к личному благополучию и обогащению, на этой почве имел судебные разбирательства. В угоду Западу изменил свое имя, которое калькировано с латинского – Franciscus. Раньше в школьных и вузовских учебниках писали Франтишек Скорина. Но теперь “западники” сумели исказить имя Скорины, которого, по справедливости, следовало бы звать Георгий, как подтверждают источники.

Или второй герой – Наполеон Орда, 200-летие со дня рождения которого пышно отмечали на государственном уровне и сведения о котором имеются в редких энциклопедиях. Наполеон Орда служил Польше, которая во все времена, в том числе и в настоящее, является одним из основных полигонов, с которого ведется борьба против белорусского государства.

Да, и Франциск Скорина, и Наполеон Орда имеют заслуги перед белорусской культурой, но не перед простым белорусским народом.

Выставлять же национальными героями, рдетелями за белорусский народ магнатов Радзивиллов – то же самое, что представлять национальными героями России Березовского и Абрамовича. Радзивиллы вели паразитический образ жизни, тратили огромные средства, созданные потом и кровью простых людей, на балы и кутежи. Годовой доход Радзивиллов в полтора раза превышал годовое поступление в казну Речи Посполитой. О некоторых Радзивиллах следует сказать подробнее.

Так, на балы к Карлу Радзивиллу съезжались по несколько тысяч гостей. Да это были не балы, как сейчас описывают, а кутежи, до которых “новым русским” еще расти и расти. О них говорил Якуб Колас словами своего героя: “Это свиньи ели или шляхта гуляла?”

Карл Радзивилл имел личное войско и двор.

В многочисленных жалобах правительству Речи Посполитой жители белорусских городов и сел писали, что “феодалы довели их до гибели и убожества”.

Мы обычно сетуем, что очень мало сохранилось древних западнобелорусских памятников – писем, книг, актов, летописей. Так в этом большая “заслуга” Георгия Радзивилла по прозвищу Сиротка. Его имя навсегда войдет в нашу историю как палача древних памятников культуры. Сиротка, как и магнаты Мацеевский и Гроховский, расходовали огромные средства на поиски, а затем приобретение русских книг, рукописей, которые потом сжигали. “Прославились” они и тем, что разрушали русские типографии.

И если подобная печальная участь постигла, за редким исключением, не все древние памятники западнорусской культуры, то благодаря известной деятельности архиепископа Конисского. Достаточно сказать, что к концу жизни его личная библиотека насчитывала 1269 ценнейших книг и 241 экземпляр рукописей и документов. Мы не знаем, сколько книг сгорело (вернее сказать – уничтожено) в пожаре архиерейского дома.

Януш Радзивилл, подобно Вильгельму Кубе, является палачом белорусского народа. В отместку за то, что население Беларуси выступило в защиту Православия и поддержало восстание Богдана Хмельницкого, карательная экспедиция под его командованием с неслыханной жестокостью в 1648 году вырезала поголовно все население Пинска и других городов Южной Беларуси (Иван Белоус. “Древняя Русь Петра Лысенко” // Нёман, № 4, 2007, с. 180).

Устраивать балы в старинных замках в стиле “а ля Радзивилл”, а одному из отпрысков князей соорудить памятник в Несвиже – предавать память предков. Что это – недомыслие или что-то иное? К сожалению, за последние 15–20 лет мастера искусств, СМИ так “перестроились”, что почему-то исключили из своего творчества человека-труженика, способного вершить поступки созидательного характера. Главными героями стали паразиты и тунеядцы, магнаты, всевозможные паны и паненки.

И если мы потревожили своим вниманием память Франциска Скорины, Наполеона Орды, то лишь для того, чтобы показать, что мы необоснованно забыли славную историческую личность – Георгия Конисского, своим подвижническим трудом отстоявшего в Беларуси Православие, которое сформировало и белорусский народ, и белорусскую культуру, и белорусское государство. Но ни одна еще круглая дата ни со дня рождения, ни со дня его смерти не была отмечена на государственном уровне. Прошло незамеченным 200-летие со дня его смерти в 1995 году. Такая же участь может постигнуть и 300-летнюю годовщину со дня его рождения в 2017 году.

Могилевщина должна гордиться, что на её земле жил и творил, отдал все силы и жизнь для процветания белорусского народа святитель Георгий Конисский. Не откладывая в долгий ящик, следует начать подготовку по празднованию на государственном уровне 300-летия со дня его рождения. Масштаб работы настолько велик, что стараниями одиночек его не осилить.